

ЗОЛОТАЯ
серия поэзии

Лариса
Рубальская

Свет в твоём
окне

Москва
2023

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р82

Оформление серии *Алисы Самойловой*

В оформлении обложки использована фотография:
© Juliya Shangarey / Shutterstock.com;
Иллюстрация на корешке: © donatas1205 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рубальская, Лариса Алексеевна.

Р82 Свет в твоём окне / Лариса Рубальская. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Золотая серия
поэзии).

ISBN 978-5-04-118365-3

Уникальность поэтической и прозаической манеры Ларисы Рубальской состоит в том, что каждое произведение автора — маленькая история любви, в которой заключено много недосказанного. Автор очень точно улавливает ту единственную и неповторимую интонацию, на которую отзывается душа, открытая для настоящего чувства.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-118365-3

© Рубальская Л., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Из книги
«Очередь за счастьем»

ОТЕЦ

— Ой, Лариса, ну почему ты так чудно ходишь? Носки врозь и переваливаешься, как утка? Тебя издалека узнать можно. — Сколько раз я это слышала!

Да, как хочу, так и хожу. У меня походка папина. Я вообще вся в него — и походка, и характер, и улыбка. И очень этому рада, ничего исправлять не собираюсь. Потому что папка мой был обыкновенным замечательным человеком. Его нет уже очень давно — 33 года. За эти годы в моей жизни произошло столько всего — и радостного, и страшного. Недавние утраты еще очень больно жгут сердце. А память об отце уже где-то очень глубоко, на доньшке души. И вспоминаю о нем без боли — грустно-весело.

В 1920 году в украинском местечке Вчерайше, в огромной — сестер-братьев не сосчитать — семье, родился мальчик Айзик — мой отец. У Рубальских было много Айзиков и Базиков. Почему-то всех почти родившихся мальчишек так называли их родители. Выглянет, бывало, какая-нибудь мама в

окошко, зовет домой сыночка: «Айзик!» И сразу человек пять бегут на ее оклик.

Или соберутся вечером и о Базике разговор заведут. А о каком из них, сразу и непонятно.

Мне мои дядьки достались уже Алексеями, Борисами, Ленями — все поменяли свои еврейские имена, такое было время. И я появилась на свет уже Ларисой Алексеевной.

В 1941 году отец ушел на войну, готовил к вылету военные самолеты в летном отряде в Паневежисе.

А когда вернулся домой, увидел пепелище от сожженной хаты, холм братской могилы в лесу, где остались расстрелянные немцами его мать, отец, две сестры и еще много родных людей. От оставшихся в живых он услышал страшный рассказ о том, как вели евреев в лес, воткнув им в спины острия штыков, как гроыхали выстрелы и как потом еще несколько дней как живой дышал холм над телами убитых и, может быть, заживо погребенных.

1944 год — отец в Москве, курсант Военно-воздушной академии им. Жуковского. С друзьями-летчиками пошли на танцы, а там мама моя с подружкой — Алька с Тamarкой, во все глаза на летчиков пялятся. Понравился Алексей Тamarке, а ему как раз Алечка приглянулась — мама моя. Ну и в сентябре на свет появилась я — папкина копия, доченька его любимая. И я любила его больше всех на свете.

В академии отец проучился недолго — евреи там были нежелательны. И покатила его штатская

жизнь, полная послевоенных трудностей. Так многие тогда жили-выживали. Папка не умел озлобляться, завидовать, жаловаться. Работал где мог, зарабатывал сколько мог. Мы с братом Валеркой росли и горя не знали, в смысле жилось нам хорошо у хороших родителей.

Сейчас модно докапываться до корней — люди ищут-надеются — а не князя ли, не дворяне ли их предки?

А мне докапываться не надо. Я точно знаю, из каких я — из добродушных, верных, честных обыкновенных людей.

Да, много времени прошло. Воспоминания об отце — нехитрая мозаика из разноцветных стеклышек. Уж и не знаю, каким получится составленный мной узор. Вспоминаю, стеклышки перекладываю — то оранжевое радостное под руку попадет, то нежное голубое, то страшное черное...

Мне лет 14—15. Возраст любви. Вот и Лолита Торрес о том же на всех афишах — Каимбро, мой солнечный город...

У меня косы до лопаток, на концах локоны. Волосы вьются, как у папки.

Потом, много лет спустя, после моего выступления в Израиле ко мне подошла старушка и со слезами в голосе сказала: а я с вашим папой в одном классе училась. Он у нас самый кудрявый был. Его так и называли — Айзик Пушкин. Так что я не удивляюсь, что вы стихи пишете.

Ну вот, значит, косички мои вьющиеся мне надоели — выгляжу как ребенок. А одноклассник мой, смысл моей четырнадцатилетней жизни, глаза пялит на стриженую подружку. И я решила — чтобы его отбить, и мне постричься надо. Пошла в парикмахерскую и — чик-чик-чик — косички вьются на полу. А у меня кудряшки вокруг головы и челочка — красота! Мы на другой день как раз с классом в поход собирались, и я предчувствовала победу над подружкой.

Вечером папа пришел с работы и увидел меня. Не говоря ни слова, он подошел и как треснет подзатыльник. А ручища у него была будь здоров! Он штангой занимался, гири на цепях вокруг тела крутил. Я от боли и страха даже не заплакала. Замерла. А отец вышел из комнаты и повернул с той стороны ключ в двери.

Вот тут я взвыла: «Папа, открой! Мне собираться надо. Завтра мы в поход идем». Вою, а он за дверью молчит.

Слышу — звонок — подружки мои пришли. «Здрасьте, дядь Леш, а где Лариса? Мы в поход собираемся, надо рюкзаки складывать».

А папа им в ответ: «А Лариса теперь в поход пойдет тогда, когда новые косы вырастут». Так и не пустил, представляете?

— Ларуся, — так папа меня звал, даже когда сердился. — Ларуся, почему ты все время вещи разбираешь? Неряха ты. Нехорошо же. Вот вырастешь, замуж выйдешь — грязью зарастешь.

Папы нет уже больше тридцати лет. А я всегда, когда навожу порядок, подметаю, пыль вытираю, всегда одну и ту же думку думаю — вот, папка, и ошибся ты. Очень даже аккуратная твоя дочка получилась. Жалко, ты не видишь.

Я выучила японский язык и работаю с японской группой. Первая поездка в качестве гида-переводчика. Папа гордится. А в России такое время, что дефицит всего, и японцы это знают. Когда их путешествие закончилось, они оставили мне все, что им не пригодилось, — начатый пузырек жидкости для снятия лака, ленточку скрепленных между собой одноразовых пакетиков со стиральным порошком и замечательной красоты радужную полосатую расчесочку. Все это богатство я гордо принесла домой — невидаль! Надписи иероглифами.

Наутро все мои сокровища куда-то исчезли. Я искала, мама искала — пропало, и все.

Вечером папа возвращается с работы расстроенный и какой-то растерянный:

— Ларусь, а чего это тебе твои японцы надавали?

Я ему пересказываю, и он начинает смеяться так, что и мне становится смешно:

— Пап, ты что?

Оказывается, он жидкость эту и пакетики принес к себе на работу и сотрудницам раздарил. Вот, мол, вам — японский одеколон и сахар к чаю. Они все и подушились, и чайку попили. С мыльной пеной. Кофточки-то испортили, хорошо хоть не отравились.

— Папуль, а расческу-то полосатую куда дел?

— Какую расческу? Не знаю. Я не видел. Вот правда, расческу никакую не видел.

Разгадка появилась через неделю в виде письма от моей подружки Таньки, которая жила в украинском селе. Там, у единственной оставшейся в живых папиной сестры, тети Сони, мы с братом проводили свои летние каникулы. Танька в письме благодарила меня за красивый полосатый «гребушок», который дядя Леша ей от меня бандеролью прислал.

А папа несколько не смутился, даже оправдываться не стал.

— Подумаешь, Ларуся, тебе же японцы еще сто таких подарят. А у Таньки-то такого не было и не будет. В жизни, доченька, надо быть подельчивой. — Я навсегда эти его слова запомнила.

Так с ними и живу. Спросите, кого хотите.

Я — пионерка. «Как повяжешь галстук, береги его...» А мне-то особенно и беречь не надо, у нас с братом Валеркой этих галстуков завались — штук пять уже набралось.

50-е годы — еще многие ветераны, герои войны, живы. А у нас свой аж дважды Герой — дядя Гриша. Григорий Михайлович Мыльников — летчик, папин друг. Всю войну прошел, ранен в голову. У него во лбу вместо кости платиновая пластина. На лацкане пиджака — две золотые звездочки. На родине памятник — бюст. И такая же копия у него дома, в квартире. Дядя Гриша, когда домой приходит, шля-

пу снимает и на голову бюсту этому надевает. Очень удобно.

Дядя Гриша выпивает. Часто. Лучшая для него компания — Давыдыч. Тот есть Лешка. То есть мой папа. Выпьют и давай войну вспоминать.

А в школе у нас мода — на пионерские сборы приглашать героев войны и их воспоминания слушать. Ну вот мой дядя Гриша и ходит к нам в школу на все эти сборы. И каждый раз его принимают в почетные пионеры. И повязывают новый пионерский галстук. А он их все отдавал нам, поэтому их у нас и было завались.

Я почти не помню отца без его закадычного Гришки. А когда отца не стало, мы собрались на 40-й день его помянуть. И дядя Гриша сказал удивительный тост. А на другой день он умер. И папе, и ему не было и 60 лет.

Эх, война, война...

Мне тридцать лет, а я не замужем. Вся семья переживает, папка особенно. И вдруг стараниями друзей возникает Давид — высоченный, умный — стоматолог. А я а) не люблю высоких, б) хочу в мужа какого-нибудь писателя или поэта. Ну, в крайнем случае артиста или режиссера. А тут — стоматолог какой-то.

А папа мне однажды такое сказал: «Не хорош, говоришь? А всех хороших уже по хорошим разобрали. А тебе досталось, что осталось. Так что радуйся, ведь ты уже на финишной прямой».

Умница папочка. Умней меня в тыщу раз. Разглядел ты в будущем зяте и ум, и порядочность, и надежность, и мое будущее многолетнее счастье. И оказался прав. Спасибо, папка.

Что-то папа мой, когда идет, все время останавливается и дышит тяжело.

— Пап, ты что? Сердечко болит?

— Нет, Ларусь, все нормально.

Летом мы с Давидом и друзьями поехали отдыхать в Литву — палатки в лесу натянули, грибы-ягоды собирать, рыбу ловить будем целый август.

Мама с папой тоже в отпуске — в Одессу, на море, с друзьями. Пока-пока!!!!

Телефонов мобильных еще в помине не было. Недалеко от нашего палаточного городка жил лесник, у него в домике был телефон. И я, как приехала, позвонила в Москву брату и его жене Лере — все нормально, доехали. Передайте родителям, чтоб не волновались. И телефон этот на всякий случай запишите.

Грибов в тот год было видимо-невидимо. Мы бродили по лесу, день солнечный, кайф. И вдруг меня как будто сила какая-то как кинет на землю, и прижимает сильно-сильно. Все бегут ко мне — что случилось? Тебе плохо?

— Да нет, вроде все нормально.

— А почему упала?

— Сама не знаю.

— Ну ладно, вставай. Обедать пора, — Давид всегда любил дисциплину, — половина второго уже. Пошли к палаткам.

Сидим, болтаем, поедаем свои продовольственные запасы. И вдруг я вижу — к нам лесник идет. У меня в глазах потемнело.

— Давид, вон лесник идет, чтоб сообщить, что мой папа умер.

Это было так. Мама позвонила Валере и Лере и сказала, что в половине второго отец вышел из моря и упал. Мгновенная смерть. Сердце. Ему было 59 лет. Лера набрала номер лесника, чтоб передать мне это страшное известие.

Вот и все. Я никакой не экстрасенс. И ни во что не верю. Просто мы с папой очень любили друг друга. И в миг смерти он обо мне подумал. И я услышала. Я же на него похожа. И хожу вразвалочку.

Алексея Давидовича Рубальского, моего отца, любили все. Весь дом. Все, кто его знал. А о том, что я стихи пишу и меня по телику показывают, папка так и не узнал...

НАСТОЯЩАЯ ПОДРУГА

1

— Ольгиванна, попросите к телефону Травку! — Вы что-нибудь поняли? Нет? Объясню — Ольга еще девчонкой была, а кавалерам уже представлялась по имени-отчеству — Ольга Ивановна. А потом это уже почти в прозвище превратилось — Ольгиванна. Все ее так и называли. Девица она была чудноватая, в смысле, романтическая очень натура. И книги любила читать чувствительные. Особенно «Даму с камелиями». Раз сто перечитала. И плакала над судьбой бедной героини Травиаты, умирающей от туберкулеза. Сколько раз читала, столько раз и плакала. И места особой печали в книге были закапаны слезами Ольгиванны и даже испорчены этой постоянной сыростью.

Ну и, конечно, когда какой-то придуманный Олей рыцарь, или там идальго, который на самом деле был всего-навсего негодяем, таксистом Витькой, за один только разок перевернул ее жизнь, заодно разбив вдребезги нежное сердце, появле-

ние на свет доченьки Травиаты стало неизбежным фактом.

Много чего Ольга наслушалась в свой адрес, пока, как весенняя почка, набухла своей новой радостью. Мало ли кто чего говорит, ей-то что! Работа есть — корректор, там безграмотных не держат. Посидит немножко с ребенком, а потом снова на работу выйдет. А нянчить внучку будет бабушка, Олина мама. И жить есть где — в двухкомнатной квартире, как и до появления этого Витьки, Айвенго несчастного. Мама-то Травиату полюбит и Ольгу со света сживать не будет. Ведь Ольга отчество-то свое, Ивановна, носит по имени деда, отца матери, потому что своего личного отца у нее никогда не было. Правда, имя ей мама просто так дала, ни по какой не по героине.

Травиата, пока ждала своего появления на свет, Ольгу особенно не мучила. Сидела себе все девять месяцев, прилично себя вела. И когда родилась, тоже не мучила. Будто и не было в ней негодяевых генов. Хорошая девочка получилась. И тоже с детства книги читать полюбила. А сейчас она уже взрослая совсем. И Оля уже настоящая Ольгиванна. Две подруги они. А Травкой ее подружка Маринка называет. А саму себя Маринка велит называть Мэри. Ну велит — пожалуйста. Мэри так Мэри.

Давно Травка с Мэри дружат, класса с третьего. Не ругаются, секретами делятся. Только жизнь у них по-разному сложилась. Мэри замуж вышла рано и счастлива — вот уже скоро серебряная свадьба

у нее с Павлом будет. А дочку свою она Маргариткой назвала — вроде как в честь Травиаты. Ведь Травиата означает «фиалка». Ну и Маргаритка — тоже цветок. И цветки эти между собой тоже как подружки — разницы в возрасте совсем не чувствуют. Павел в банке работает, отдел какой-то важный возглавляет. В деньгах нехватки нет. Мэри — хочешь — работай, а не хочешь, дома сиди, журнальчики гламурные листай. Денег и так на все хватит.

* * *

Травиата себя ни одинокой, ни несчастливой не чувствовала. А что? — у нее все нормально — подружки, мама и главная любовь ее жизни — собаки. Она в институте не парилась, ума из книжек прочитанных набралась на два высших образования. А вот специальность хорошую приобрела — собак стричь. И делала она это виртуозно. Клиентуры было полно, и все симпатичные, солидные люди. Во-первых, собачники все, как правило, симпатичные. А во-вторых, модельная стрижка питомца стоит недешево, а раз заплатить могут, значит, денежки водятся. То есть солидные люди.

По утрам Травиата неторопливо пила кофе, потом заводила свой автомобиль и ехала на очередной вызов к своим любимцам. Все клиенты Травку любили — приятная, начитанная девушка, к тому же на все премьеры в театры ходит и что-нибудь интересное всегда расскажет.

Среди тех, чьих любимцев Травиата облагораживала своими виртуозными ножницами, были и доктора-профессора, и артисты, и кто хочешь. Поэтому стоило только захотеть — пожалуйста, Травиата, вот вам билетик на премьеру, пожалуйста в первый ряд.

Выглядела Травка очень моложаво, только когда в проборе ее золотистых волос обозначивалась отросшая седина, можно было догадаться, что ей уже за...

* * *

Я теперь уже не помню, как она появилась в моей жизни, но симпатия к Травке у меня возникла сразу. Приходя время от времени в мой дом, она старательно рассказывала мне о том, что видела, читала. Хотела производить впечатление, и ей это вполне удавалось, потому что ее суждения и оценки были оригинальными и, как правило, интересными.

Мою постоянно раздумывающую о всякой всячине голову каждый раз посещала одна и та же мысль — вот, пожалуйста, чтобы быть умницей, не обязательно аспирантуры заканчивать. Это если человек на свет сам по себе умным родился. И еще я думала: как это так несправедливо получилось — хорошая такая женщина, а нет никакой личной жизни? Обидно даже. О собаках она рассказывала так занятно, что хоть на магнитофон записывай и потом

рассказ готовый пиши — все собаки у Травиаты были с характерами, судьбами — веселыми и грустными.

Однажды я, посчитав, что мы уже достаточно давно знакомы, решила устроить Травке допрос на тему личной жизни. Первый же вопрос был составлен исключительно деликатно: скажите мне, Травиата, почему же у вас мужчины-то никогда не было? Я была уверена, что это так: моя милая собеседница — типичная старая дева во всех проявлениях. Интересно же, как это так получилось?

Травиата отпила глоточек кофе, неспешно откусила кусочек печенья, посмотрела на меня совершенно обыкновенным взглядом.

— А что, Павел-то, по-вашему, не мужчина?

* * *

Две подружки — Мэри и Травка сидели на Мэриной кухне и болтали-секретничали. Вернее, так — Мэри делилась своими секретами, а Травка слушала. Новорожденный цветочек Маргаритка только что перекусила маминым молочком и симпатично посапывала в кроватке.

Рассказывала Мэри о докторе, принимавшем роды — и какой он был умелый, и какие руки у него нежные были — и пока Мэри в роддоме лежала, и потом, когда уже можно было... Пашка-то от радости ошалел, что дочка у него родилась. Мол, вот какой он мастер — Маргариту свою смастерил. И каждый вечер с работы возвращался с какой-ни-